

ГРИГОРИЙ ФЕДОРЦ

дадюшка
2
или **Leo**
агента парагвайской разведки

дорожные приключения

Григорий Федорец

**Дядюшка Лео, или 2 агента
парагвайской разведки**

«Автор»

2007

Федорец Г. Г.

Дядюшка Лео, или 2 агента парагвайской разведки /
Г. Г. Федорец — «Автор», 2007

Приключения двух приятелей, отправившихся из русской глубинки на поиски полумифического «дядюшки». Москва начала 90-х годов. Германия накануне объединения. Елисеевский универсам и Унтер-ден-Линден. Белорусский вокзал и Берлинская подземка. Курский колхозник и немецкие бритоголовые. Айсбан и «Столичная». Любовь и железные дороги. Вот неполный список декораций и участников приключений «агентов парагвайской разведки».

© Федорец Г. Г., 2007

© Автор, 2007

Григорий Федорев

Дядюшка Лео, или 2 агента парагвайской разведки

Вместо предисловия

Чем дальше уходят дни юности, тем чаще мне кажется, что многого случившегося в жизни и не было, а есть плод шаловливой фантазии и не более. Наверное, так ощущают многие.

Однако, рассказанная ниже история была. Она состоялась. Безусловно, в ней есть место вымыслу. Но мною выдуманы лишь оттенки, а не события. А это дело обычное. Всякий рассказчик что-то добавляет, приукрашивает то, о чем он любит говорить. Мне история нравится. Отчасти, потому что произошла в юности, память о которой у каждого из нас светла.

Глава первая. В Москве

Приезд в Москву – это событие. Для провинциала, конечно. Не для Москвы. Жизнь столицы в начале 90-х, как и жизнь всех нас, живущих в стране, именуемой СССР, вдруг заколобродила и понеслась вскачь с резвостью и бесшабашностью застоявшегося в стойле жеребца. В Москве она часто принимала весьма неожиданные формы.

Поезд, натужно проскрипев, дернулся в конвульсиях и остановился. Распахнулась дверь вагона, проводница вышагнула на перрон, освобождая путь истомившимся дорогой пассажирам. Мы в Москве. Мы – это я, автор строк, и мой тогдашний шеф. Начальства у меня было много. И до, и после. Но этот был особенный. Почему? Поймете чуть позже.

Игорь, а шеф был старше всего на четыре года, имел все признаки причастности к начальству: выпуклый живот нахально выпирал из-под пиджака, рыжая шкиперская борода скрывала несколько обвисшие щеки румяной физиономии, ленинский рост, уверенно-хитрый взгляд. Карьера шефа складывалась на ниве партийно-административной.

Окончив провинциальный вуз, Игорь порядком притупил зубы на гранитном булыжнике науки. Потусовавшись месяц, он был пристроен масонской ложей друзей-знакомых, именуемой в те годы таинственным словом «блат», на низшую ступеньку карьерной лестницы. Он – инструктор райкома комсомола. Средняя зарплата, минимальная, но власть и некоторые возможности доступа к дефицитным товарам народного потребления. Но главное – причастность к местной элите. Отныне, Игорь в обойме номенклатуры.

Однако, все это в недалеком прошлом. Союз вовсю колбасило и самые дальновидные аппаратчики переориентировались. Тандем власти и денег принимал все более заманчивые формы. Комсомолята, в смычке с продвинутыми коммунистами, создавали коммерческие структуры с мутно-хитрыми названиями: центры развития молодежных идей, научно-технического творчества молодежи, хозрасчетные бюро, агентства инноваций и инвестиций, молодежные банки и т.д. Желание нажить денег, используя доступ к ресурсам государства, камуфлировалось лозунгами заботы о подрастающем поколении. Основная масса таких контор, просуществовав некоторое время, канула в лету. Но некоторые оказались жизнеспособны. И весьма. Ладно, достаточно о славном прошлом шефа. Если будет нужно, продолжим позднее.

И вот Москва. Серо-грязный перрон Ярославского вокзала. Подхваченные суетливой толпой, мы бодро, подражая остальным, шагали к массивному зданию вокзала. В нескольких местах людской поток разделился. Несокрушимыми волнорезами стояли люди. Первые москвичи. Таксисты и носильщики. Одни, накручивая на пальцах брелки с ключами, призывали:

«Такси, недорого. Кому такси? Недорого!» Но за «недорого» ехать никто не хотел. Наверное, предпочитали за «дорого». Другие, выставив перед собой низкие телеги, были одеты в яркие фартуки с металлическими бляхами. Они равнодушно смотрели поверх толпы. Но, услышав возглас: «Носильщик, носильщик!», мгновенно преобразились. Вцепившись, словно пахари, в ручки телеги-кормилицы и рывкая: «Посторонись! Дорогу!» – носильщики заполошно рвались на крик. Сие нас не касалось. Мы-то люди бывалые. А вещей и денег лишних не имели.

Слившись с толпой, протиснулись в узкие двери метро. Десяток минут топтания в очереди у кассы, и взамен на купюру я получил полную горсть металлических, размером с пуговицу от гюльфика, жетонов. Пропуск в подземелье на руках. Вперед, в царство Аида. Настороженный, как цепной пес, турникет, сглотив кругляш металла, благосклонно открыл зеленый глаз. Прошмыгнув мимо стража, заскочили на эскалатор. Резиновая дорожка поволокла вниз. Справа и слева такие же бедолаги. Серьезные лица, тусклые глаза. Дети подземелья. Правда, попались несколько любопытствующих взглядов. Явно, провинциалы. Взвизгивая, трудяга-эскалатор ташил на хребте человеческую змею. Отсекая, он беспрестанно выплевывал ее куски на мраморный пол. С грохотом на станцию влетел поезд. Жалобно скрипнули тормоза, и состав остановился. Чавкнув, половинки дверей вагонов отскочили друг от друга. Приехавший народ повалил на перрон. Несколько секунд, и наступила очередь стремящихся попасть в вагон. Двери, смачно врезавшись резиновыми лбами, закрылись. Моргнув свет, и состав унесся в темноту. Сделав несколько остановок, вагон очутился на станции «ВДНХ».

На поверхности я с удовольствием вдохнул нафаршированный бензиновой гарью воздух московского утра. Шеф, человек бывалый, повел меня мимо мерцающей окнами гостиницы «Космос». У возможной обители имечко неприятзательное – «Золотой колос». В те годы забронировать номер иногороднему в Москве, мечта немислимая. Равносильно завести успешный роман с Софи Лорен.

По дороге в «Колос» шеф гадал, какой стороной повернется удача. Гостеприимным лицом или, пардон, предстанет видом сзади. Слава богу, фортуна была благосклонна. Изрядно заспанная администраторша милостиво одарила двумя бланками на заселение. Ура! Мы – временные хозяева двухкоечного номера.

Горячий душ смыл пыль железных дорог великой страны, сделал нас свежими и упругими, как малосольные огурчики. С бодростью проснулся и аппетит. Шеф, битый командировочник, заявил, что имеется на примете одна кафешечка, здесь неподалеку. Заведение должно функционировать в столь ранний час. Не мешкая, мы поспешили туда. Точка, действительно, оказалась рядом. До открытия оставалось минут десять. Кроме нас, у входа отиралось человек пять. Судя по внешнему виду и говору, явные аборигены. Коротали время в разговорах. Темы обычные, никчемные. О погоде, о ценах на колбасу и водку. Сетовали, что раньше было однозначно лучше: вода сырее, а солнце ярче; водка забирала шибче, а «Беломор» крепче.

Двери распахнулись, и народ быстренько организовался в очередь у пищеблока. Общеизвестно, с голодухи глаза завидующие. Вот и мы нахапали разной вкусности. Каши две миски, по три порции сосисок с гарниром, сметаны и какао по стакану. Большинство из этих блюд напрочь отсутствовало в провинциальном общепите, да и урчащие желудки играли не последнюю роль. Уставив стол, мы приступили к завтраку. Кашу сметали в мгновение ока. Первая порция сосисок проскочила не пискнув. Со второй наступили сложности. Шеф, сидящий напротив, заметно отяжелел. Откинувшись на спинку стула и закатив глаза в потолок, он явно медитировал. Две порции сосисок и стакан какао, не тронутыми, грустили перед ним. У меня в горло тоже ничего не лезло. Но сосиски! Оставлять такой деликатес, решил я – кошунство:

– Шеф! Ты как? Неужели выдохся? Надеюсь, сосиски не бросишь?!

Игорь с трудом вернулся из транс:

– Сосиски? Да я на первой сижу! Хочешь, сам лопай!

Я оптимистично оглядел стол:

– Ну, смотри. Потом не пожалей.

Шеф вяло отмахнулся:

– Валяй!

Одну кое-как одолел. Но другая победила меня. Пьяные от сытости, мы выплыли на улицу. Яркое солнце выперло из-за крыш домов и нагло таранилось на город. Несмелое предложение вернуться в гостиницу, дабы вздремнуть часок-другой, Игорь отверг. Он высказался в том смысле, что дрыхнуть будем в поезде, а в Москве куча дел. Не вслух помянув родню шефа, я поплелся за ним.

Через несколько минут выяснилось, что путь лежит в магазин Елисеева, где запланирована глобальная отоварка. Опять метро. Бредем среди ошалевших приезжих и отрешенных москвичей. Чеканный голос диктора в динамиках, грохот и рев электричек. Воздух нашпигован запахами горячей резины, старой пыли и тысяч людей. Пара пересадок, и мы на станции Антона Павловича. Эскалатор выпихнул на поверхность почти в самом центре столицы.

Узкая, как пенал, площадь. С запада обрешена Тверской, с востока подперта кинотеатром «Россия». На парапете чугунного Пушкина топтались жирные голуби. Молодые люди обоих полов нервно нарезали круги в ожидании визави. Автомобильный поток нескончаемо неся мимо.

На другой стороне Тверской, у «Макдоналдса», томилась очередь мечтающих вкушать заморские блюда. Фасад заведения украшала алая «М», символ заграничной жизни. Огромные окна сияли. За ними таились уют и чистота. Сновал персонал в нарядной униформе. Клиенты за столиками дисциплинированно пережевывали беременные тощей котлетой, завернутой в листья салата, булки. Котлета безвкусна, хлеб пресен, но причастность к невыносимо импортному «гамбургер» обязывает. Надо изображать счастье и несказанное удовольствие. В тот раз я в «Макдоналдс» не попал. Побывал позднее. Очереди уже не было. Растаяла таинственная привлекательность причастности к заграничье. Обычный фаст-фут. Теперь таких на каждом углу. А, тогда... «Макдоналдс»!

Ну, я отвлекся. Оглядев окрестности площади, мы двинули вдоль Тверской и вскоре оказались перед щегольским фасадом Елисеевского. Внутри поразительный интерьер, говорить о котором сейчас не имеет смысла. Многие сами бывали здесь. Кому не довелось – советую. Недаром в ранешнее время москвичи величали магазин Елисеева храмом Бахуса. Правда, в последний раз, оказавшись там, был несколько разочарован. Нынешние хозяева заменили стилизованные прилавки стандартным оборудованием европейского супермаркета. Никелированные стеллажи не лучшим образом вписались в пышный интерьер.

В торговом зале шеф уверенно направился к колбасному отделу. Пять минут размышлений, и в авоське закачались три палки сырокопченой. Следующий – отдел вина. Гурманить не стали. Десять бутылок «Столичной» вполне удовлетворили запросы Игоря. Мои пожелания в счет не брались.

– Водка, она и в Африке водка», – отрезал он, не утруждаясь дискуссией. С хлебом также не глумился. Три булки Бородинского. Я не спорил. Ржаной мне всегда нравился. В Москве пекут его отменно. Чуть дольше задержались у табачного прилавка. Шеф – завзятый курильщик. Немного покумекав, он разорился на три блока «Мальборо» московского разлива. Великий шик по тогдашнему времени. Приняв классическую позу Наполеона, а именно руки в боки, живот вперед, Игорь подытожил:

– Все. Копец. Затарились», – и пошагал на выход. Следом, волоча авоську, раздутую джентльменским набором советского командировочного, двинул я.

Устроив дела житейские, Игорь озаботился удовлетворением духовных надобностей. Вкусно затянувшись сигаретным дымом, он изрек:

– А не пойти ли на Арбат? Давненько не бывал.

Мое предложение отвезти продукты в гостиницу шеф проигнорировал:

- Не фиг время попусту тратить. Устанешь, потаскаю. Пошли!
- С начальством не поспоришь, – мысленно утешился я.

Если честно, то Арбат мне нравится. Особый колорит улицы, до краев заполненной разношерстным народом днем и ночью, пустеющей только под утро. Тогда объявляются дворники. Ритмичные звуки метлы о мостовую рассекают чистую тишину. Их сменяет спешащий на работу народ. Вольные художники с мятыми физиономиями устанавливают деревянные мольберты, раскладывают парусиновые стульчики. Скрипят петли входных дверей кафе. Перестукивает булыжник под колесами лотков с мороженым. Арбат просыпается.

Свернув за угол ресторана «Прага», мы оказались на Арбате. Разномастные вывески магазинов, кафе, ювелирных и антикварных лавок залепляли фасады зданий. На мостовой толчея. Пестрели лотки с яркой дребеденью: армейские шапки-ушанки, флотские бескозырки всех времен и народов СССР; надувные шары рвались в небеса, продавались сосиски в тесте с диковинным названием «хот-дог»; искрясь на солнце, пузырилась рыжая «фанта»; троица молодых парней брэнчала на гитаре, фальшиво напевая битловское «yesterday». И толпы, толпы людей ротозейничали, жевали, смеялись, курили, флиртовали. Эдем для карманников и бездельников.

Почти час я терпеливо таскал авоську, систематически отбивая чьи-то ноги. Потом предложил размяться шефу. Игорь ледоколом рассекал встречно-поперечный поток людей, делая вид, что не слышит. Сделав рывок, я занял позицию перед ним. От неожиданности он встал, как вкопанный. Сразу нарушился ритм движения. Народ начал наскакивать на замершего истуканом шефа.

- Ты чего? – он сердито уставился на меня.

– Забирай кошелку, к чертовой матери. Руки уже вытянулись. Как у гориллы, по земле волокутся, – зло выпалил я.

– Да? – несказанно удивился шеф: – Дак в чем вопрос! Сейчас где-нибудь присядем. Во, делов-то! Пивка поьем, перекусим. Вот и отдохнешь! – быстро болтал он, высматривая, куда бы приткнуться. Мысленно обозвав шефа скотиной, я согласился.

Устроились за столиком летнего кафе. Место отличное. Напротив, на другой стороне Арбата, расположились художники. Одни втюхивали провинциалам акварели, пасхальные яйца, гравюры; другие малевали портреты красоток с натуры. Правее стоял аппарат для развлечения добрых молодцев. На деревянной ручке – резиновая кувалда. К стальному табурету с кожаной подушкой для битья вертикально прикреплена широкая линейка. На ней световая шкала, фиксирующая мощь удара. Любой желающий мог продемонстрировать силушку, влупив кувалдой по подушке. В тот же миг световая дорожка, пробежав по шкале, замирала у цифры. Аттракцион дедовский, но популярен до сих пор. Несколько человек постоянно толклись рядом, наблюдая бесплатное шоу. И я посматривал туда.

Глянув в очередной раз, обнаружил у агрегата живописную пару. Он, крепенький толстячок в длинном плаще и шляпе с огромными полями. Она, крашеная блондинка с пышными формами. Мадам слегка возвышалась над спутником. Типичные провинциалы из среднего Нечерноземья. Мужичок явно примерился показать удаль молодецкую.

Степенно расстегнув многочисленные пуговицы, он эффектным жестом передал макинтош подруге. Далее последовал двубортный пиджак черного сукна. Грузным шагом бывшего молотобойца мужичок подошел к аппарату. Взял в руки кувалду. Качнул снаряд, принаравливаясь к весу. Расположился напротив подушки. Широко расставив ноги, чуть присел. Взмахнув кувалдой высоко над головой, замер на миг и рубанул.

- «Пох», – утробно охнула подушка, а по шкале рванули веселые огоньки.

«Хрясть», – и натянутая на напряженных ягодицах брючная ткань разлетелась по шву в стороны. Белые, в крупный горошек, трусы выскочили из теснины. Оба звука слились.

Молотобоец медленно распрямил спину, самодовольно наблюдая, как мчится вверх дорожка. На числе «480» замерла. Мужичок повернулся к спутнице. Лицо его сияло. Что сказала мадам, я не слышал. Дальше произошло наглядное подтверждение тезиса, что счастье призрачно. Мордаха силача скисла, превратившись из румяного персика в залежалый урюк. Полный конфуз. Мужичок, вырвав у блондинки плащ, пулей влетел в него. Запахнувшись, он тут же скрылся в толпе. Исчезла и мадам.

Сидеть под навесом, потягивая прохладное пиво, наблюдать за коловращением вокруг было, несомненно, комфортнее, чем плющиться и потеть в толпе. Весеннее солнце радовало, пиво было отменным, с натруженных ног стекала усталость, а жизнь выглядела увлекательным путешествием с приятными сюрпризами. К сожалению, все заканчивается. Допито пиво, солнце завалилось за стены домов, а нам пара возвращаться.

Крутясь в яме панцирной сетки, я торопился заснуть. Завтра предстоял хлопотный день. Кровать кряхтела и вздыхала. Игорь давным-давно выплескивал переливистые трели. Мне же сон не шел. Тогда я пошел на хитрость. Стал перебирать в памяти события последних дней, утомляя сознание. Удалось. Сон, невесомым шелком, накрыл и поволок в дивное путешествие по небывало-бывалой стране. Картинки, скрытые рваным туманом, наплывали, голоса людей звучали мягко, убаюкивали. Медленно выплыло купе плацкартного вагона с пассажирами. Где-то рядом я. Неспешный дорожный разговор. В углу у окна дед.

– Вот ты говоришь, рецепт самогона, – говорит он. – Как-то, мил человек, мне присоветовали рыщептик. Пальчики, грит, оближешь. Вкуснятина и забирает хорошо. Молодой парняга. Одет прилично. Я уши-то и развесил. Способ простой. Можешь не записывать. Так запомнишь. Берешь дрожжи. Кус малый отрезаешь и в рот, под язык. Чаек теплый, с сахарком. Вприхлебку. Дрожжи бродят, хмель легкий, но забирает. Вкусно. Во, думаю, благодать. Дешево и сердито. Домой пришел. Бабки нету. Я в холодильник. Взял дрожжей. Кусок отрезал. Не пожалел. Воду вскипятил, заварил чай покрепче. Дрожжи под язык и чаек потягиваю. Сразу забирать стало. Сижу за столом, радуюсь. Бабка моя приходит. Ты, че, говорит, старый черт, уже пьяный? Где набрался? А хмель такой легонький. Веселит. Я ей, мол, рыщепт новый пробую. Дрожжи с чаем. Хочешь? А она: «Дрожжи, с чаем! Сдурел! Тебя ж, пронесет». Видать сглазила. Такая свистуха скрутила. Не передать. Двое суток полоскало. До нужника бегать устал. Припер в избу поганое ведро. Его и пользовал. В доме вонища. Еле выжил. Во, дела! А ты говоришь, рыщепт. Не всякому слову верь. Попадаются шутники. Не приведи господь.

Я смеюсь со всеми. Но звука нет. Купе плывет и тонет в вязкой черноте.

Глава вторая. В поезде Москва-Берлин

Наш поезд уходил с Белорусского вокзала вечером. После вчерашних хождений на прогулки не тянуло. На совете было решено кантоваться в номере до таинственного «расчетного» часа, а потом выдвигаться. До сих пор не понимаю, кто и по какому принципу определил «расчетный» час. Почему он у нас равен двенадцати ноль-ноль, а в Европе это два пополудни. Сколько ни пытал гостиничных зубров, внятно никто объяснить не смог.

Ровно в двенадцать, нагруженные сумками, мы стояли на бетонном крыльце с обгрызанными ступеньками. За спиной – массивные двери родного «Золотого колоса». Перед нами – тихие дворы Москвы. А за ними, в туманной неизвестности, грезились лучшие города Европы. Неугомонный шеф, докурив сигарету, щелчком запустил окурочек в урну. Придав полям шляпы правильное положение, параллельно поверхности земли, Игорь скомандовал:

– Вперед! – и, шагнул с крыльца. Подхватив сумку, я верным оруженосцем последовал за ним.

На удивление, на вокзале оказалось малоллюдно. Прогулка по зданию, посещение мест общественного пользования, закуп прессы и два часа ожидания – джентльменский набор вокзальных развлечений.

Состав подали на первый перрон. Едва зашелестел голос диктора, известивший о начале посадки, мы поспешили в вагон. То, что поезд идет за кордон, было видно невооруженным глазом. Вымытые вагоны сверкали новенькими пятаками. Вежливые проводники, без признаков похмелья, приветливо встречали степенных пассажиров. Любо-дорого. Разительное отличие от поездов, курсирующих по стране. Порадовала обстановка внутри вагона. Красивые занавески, ковровая дорожка без дыр, живые цветы в канопе, тишина и благолепие. Коммунистический рай в отдельно взятом вагоне категории «мягкий».

Мягко откатилась дверь, открыв узкое, словно школьный пенал, купе. Две обтянутые кожей полки на одной стороне, третья притянута к потолку. Металлический стол под накрахмаленной до металлической жесткости белой скатертью. Малюхотная ваза с вечноцветущими незабудками из пластмассы, ровный свет плафонов.

– Уютная будочка на колесах, – выдал шеф, протискиваясь с баулом. Плюхнувшись задом на полку, он оккупировал полкупе. Мне пришлось маячить в проеме:

– Шеф, шевели батонами. Народ по коридору пройти не может.

– Не баре, подождут, – Игорь разглядывал пристанище. Утолив любопытство, перевел взгляд на меня:

– Заходи, не отсвечивай.

– Куда? – обозлился я. – Ты тут расселся, как слониха в детском тазике. Ни пройти, ни проехать.

– Слониха, – поморщился он. – Скажешь тоже, но передвинулся.

Распаковывать вещи в тесном купе несколькими людям одновременно – еще то развлечение. Извиваясь ужом, ты вылезает из куртки. В этот же момент попутчику приспичивает запихнуть чемоданище на верхнюю полку. Роста не хватает, и он тянется на цыпочках вверх, пытит и тужится. А когда победа близка, чемодан цепляется застежкой. Силы на исходе, пот ручьем льется по спине, под мышками пожар в джунглях. Мышцы наливаются свинцом и вибрируют. Еще мгновение, и все усилия коту под хвост. Сконцентрировавшись, попутчик, спружинив ногами, подпрыгивает на вершок. Мощный толчок, и упрямец, недовольно лягнув, перескакивает застежку. Ура! Победа! Увы, счастья миг краток. Удача – девка блудливая. Только треть чемодана лежит на полке. Остальная нависает грозной лавиной. И тут вагон дергается. Чемодан рушится вниз, накрывая хозяина, бьет по темечку ничего не подозревающего соседа, валя обоих на пол.

Такое видение пронеслось в голове, как только я увидел, что шеф наладился пристраивать багаж. Памятуя о формуле, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих», я бросился на помощь. Возможная беда миновала. Сколько их еще впереди!

Пока мы устраивались, объявился попутчик.

– Здрасьте, – за спиной раздался елейный голосок. Я оглянулся. Игорь как раз стягивал башмак. Выпуклый живот сильно осложнял задачу. Сидя на полке, он, ухватив руками штанину, тянул ногу вверх. Голень категорически отказывалась цепляться за колено. Ругнувшись, шеф рванул ногу вверх. Есть! Лодыжка на месте. Бамм! Верхняя пуговка гольфика пулей стрельнула по стенке, срикошетив, затихла в шторке. Живот, обретя долгожданную свободу, радостно выпрыгнул из брюк. Тут-то и раздалось елейное «здрасьте». Шеф, стыдливо прикрывшись ладонью, волчком крутнулся на заднице.

В дверях стоял мужичок. Среднего роста, возраст в районе пятидесяти. Одет незатейливо: линиялая ветровка из брезента, потертые джинсы грязно-василькового цвета, стоптанные кроссовки неопределенного оттенка.

– День добрый! – ответил я.

– Привет, – буркнув, Игорь отвернулся.

– Я тоже здесь еду, – приветливо заявил мужичок.

– Во, блин, радость какая, – ухмыльнулся Игорь. Попутчик, не замечая сарказма шефа, продолжал:

– Вы куда едете? Я – в Польшу. К другу, в гости. Он под Варшавой живет. Два года назад поехал калымить. Устроился на ферме. Хозяева не бедные. Мужик, жена, да трое сынов. Дети в Варшаве, в институтах учатся. Прошлой весной хозяин поехал рыбачить, да утоп по пьяни. Вдова вначале думала ферму продать, но сыновья отговорили. Наняли бабу в помощь. Хозяйка погоревала-погоревала да с моим товарищем снюхалась. Попервости таились от сынов. Потом сознались. Друган по хозяйству крутится, ну и хозяйку не забывает. Недавно письмо прислал. В гости зовет. Пишет, понравится, останешься. Работы много, жизнь сытная. Европу поглядишь. А я что? Живу под Курском, в колхозе. Работы толком нет. Платят гроши. С женой, как пять лет разбежались. Решил, поеду. Вот. Мужичок перевел дух.

Во время монолога мы продолжали распаковываться.

– Слышь, дружок, ты бы не отсвечивал. Нам переодеться надо. Закрой калитку с той стороны. На время. Гуд? – напористо сказал шеф. Попутчик, послушно кивнув, закрыл дверь.

– Крутовато ты его, – я улыбнулся. – Так и обидеть можно.

– Обидеть? – удивился Игорь. – Э, нет. Таких словами не обидишь. Нечем обижаться. Нет у них такого органа.

Шеф оказался прав. Открыв дверь, я обнаружил, что попутчика и в помине нет. Перед купе валялся обтянутый дерматином чемоданчик и изрядно выцветший рюкзак. Курянин обнаружился в тамбуре. Там, найдя в лице проводницы очередного слушателя, он излагал свою историю. Редакция практически та же. Вплоть до междометий. Увидев меня, он слегка отвлекся:

– Ага, вот мой сосед, – и продолжил, – друган пишет. Приезжай, мол. Посмотришь, поработаешь. Понравится, останешься...

Я вернулся в купе:

– Похоже, веселый попутчик нам попался.

– Пожалуй. Трещит, будто хрен в коробке, – откликнулся Игорь. Он изучал вагонную брошюру, – в Бресте будем завтра. Там граница: таможня, шмон и прочие радости. Так. Скоро должны поехать. Надо б закусить слегонца. Лады? Я кивнул:

– А бродягу будем приглашать?

– Бродягу? Наш случай, как в подводной лодке. Деваться некуда. Придется.

– А вдруг он непьющий? – терзал я Игоря.

– Непьющий? С такой-то рожей? Сам-то понял, что сказал? Непьющий! – фыркнул шеф. – На халяву пьют даже трезвенники и язвенники, – подражая Лелику из «Бриллиантовой руки», вещал шеф, – а тем паче, в дороге. Развлечений минимум. Едешь Бобиком в будке. Только и веселья – водочки откушать.

Вновь прошелестел голос диктора. Усиленный динамиками, он сообщил, что скорый поезд «Москва–Берлин» от первой платформы отправляется. Состав, дернувшись в пароксизме конвульсий, тронулся. Колеса зацокали на стыках. Жизнь продолжалась. Мы двигались вперед, на запад.

Сосед возник, словно материализовался из воздуха. Бац, и стоит. Тут же затрещал:

– Отлично. Едем. Юрой меня зовут. А вас, парни? Услышав в ответ имена, интерпретировал на свой лад:

– Ага. Егор и Жора. Отлично. Будем знакомы.

Поняв, что спорить бесполезно, возражать не стали.

Поезд сонной анакондой выползал из города. За окном топорщился частокол высоток, нарезая полосы ярко-желтого солнца. По широким улицам бежали разномастные автомобили, навсегда вытеснив пешеходов на вытоптаный асфальт тротуаров. Небо вывалилось из-за серых стен, залил ультрамарином округу. Сос-тав, набрав ход, вырвался в Подмосковье. Точе-

ные карандаши сосен, свежая зелень берез, желтые крошки цветущих одуванчиков, изумрудный ковер полян, синева речных лент, солнечные блики на блюдцах озер. Наглядный контраст между созданным природой и человеком.

Вагон начинал оживать. За очередной порцией никотина потянулись в тамбур курильщики. Прошла затянута в униформу проводница, собирая билеты. В коридоре у окна, вцепившись в перила, замерла молодая пассажирка. В четвертом купе, звякнув, закрутилась волчком пивная пробка. Зашипел, наполняясь напитком, стакан. В пятом таинственно шуршал полиэтилен. Поползли ароматы дорожной снеди, сбиваемые сквозняками. Открывались двери тамбура, впуская гром и лязг колесных пар. У нас, в третьем, разговор набегал волнами. Темы скакали, будто блохи на уличном барбосе, сменяясь порой диаметрально.

– Водяру-то везешь? – нейтрально поинтересовался Игорь.

– Есть трошки, – застенчиво заморгал белесыми ресницами Юра.

– Трошки – это сколько?

– Четыре бутылочки, – промямлил сосед.

– Мля, два литра белой, значит. Неплохо, – похвалил Игорь. – А ты в курсе, дружок, что через границу можно только один литровник провезти? Вижу, не в курсе. Святая простота, – нагнетал шеф.

– А что будет? – испугался Юра.

– Что будет? Да, ничего особенного. Ссадят с поезда. Для начала. После разбираться начнут. Может, ты контрабандист. Кто знает. Водка, считай, валюта. А валютную статью никто не отменял. А она, между нами говоря, расстрельная, – нагонял жуть Игорь. Юра, пять минут назад веселый, как молодой артиллерист, сдувался на глазах, как проколотый шарик.

– Да, не кисни, Дуся. Тебе дико повезло. Мы – народ бывалый. Выход найдем, – успокоил шеф. – А водочку-то придется выпить.

– Выпить?! Да я от стакана пьяный в хлам. А с литра помру. Может, ее вылить? – вяло предложил Юра.

– Водку?! Вылить?! – взъярился Игорь, – Ах ты, паскудник колхозный. Что выдумал! Ее люди делали! А, ты... Игорь, как шпагой, ткнул в попутчика указательным пальцем, и добил: – Гнида!

Юра, шарахнувшись назад, вжался в угол:

– Да я так. Я просто. Не подумал. Извиняйте, мужики.

Шеф сменил гнев на милость:

– Ладно. Прощается. Делать нечего. Назвался груздем – будь любезен в кузов. Дела... Ладно, будем помогать! Ты готов? – он обратился ко мне, хитро подмигнув левым глазом.

– Ну... – развел я руками.

– Он готов. Чего киснешь? Доставай контрабанду, Юрок. Закусь не забудь. Давиться одной водярой мы не согласны.

Наблюдая, как попутчик лезет в багаж, я мысленно подивился ловкости шефа: «Вытянул с мужика выпивку. Красава!» Юра извлек из-под лавки рюкзачок. Бережно поставил так, чтобы было не видно содержимое. Долго рылся, вздыхая. Игорь не выдержал:

– Слушай, куркуль недорезанный, хорош копать. Доставай пузырь. Про колбасу с хлебом не забудь. Есть у тебя. Отсюда чую, как пахнет. Не томи.

Тяжко вздохнув, Юра принялся вынимать запасы. Первой появилась водка. Следом завернутое в мятую фольгу сало; потом хлеб в плотной бумаге; пара головок лука; тройка поддавленных яиц; спичечный коробок с солью; кольцо «Краковской» в линялой газете. Игорь подбадривал:

– Давай, давай, не тушуйся! Чего один-то пузырь достаешь? Тягай пару, чтобы два раза не лазить. А лук на кой хрен? Водка с луком – это термоядерная смесь, в радиусе десять метров

убивает все живое. Короче, лук сам ешь. Нас уволь. Что ж яйца такие мятые? Свои небось аккуратно носишь? Эх, хе-хе, крестьяне.

Пока сервировался стол, шеф смотался к проводнице за стаканами. И вот нарезано прозрачными пластинками сало, толстые ломти хлеба горкой теснятся с краю, очищенные от скорлупы яйца ритмично покачиваются, запах настроганного лука щиплет глаза, аромат краковской колбасы заликает рот слюной, стаканы наполнены ровно на два пальца. Все готово. Нужен тост! И он прозвучал. Игорь, взяв стакан, тоном завязатого тамады произнес:

– Давайте, други, выпьем за то, чтобы у нас все было, а нам за это ничего не было!

Тост нам понравился. Мы постигли глубинный смысл, оценили иронию подтекста. Сдержанно, по-мужски, улыбнулись. И дружно выпили. Теплая водка – это не только неприятный запах и отвратительный вкус. Она обжигает пищевод, быстро дурманит голову.

– Хорошо пошла, – блаженно улыбнулся Игорь. Юра кивнул. Не спеша, стали закусывать. Молча жевали под перестук колес. Шеф и трезвый молчуном не слыл, а выпив тем более:

– Слышь, Юрок, ты бы рассказал какую-нибудь крестьянскую байку или анекдот.

– Дак, мне в голову ничего не лезет. Какие в деревне анекдоты?

– Ну, историю поприкольнее, – настаивал Игорь.

– Поприкольнее? Смешную, что ли?

– Наверде того.

– А про городских пойдет? Тогда слушайте. К нам прошлым летом артисты приезжали из города. В клубе спектакль показывали.

– Смешная история? – уточнил шеф.

– Вроде да. Все смеялись, – неуверенно подтвердил Юра.

– Тогда валяй. На безрыбье и сам раком станешь, – смилостивился Игорь, – давайте еще по одной. Чтобы горло не засыхало.

Я плеснул каждому на дно стакана.

– Ты, что капаешь, как котенку? – возмутился шеф, – водка считай, что дармовая. Не выпьем, придется выбрасывать. Лей по половинке!

Чтобы не злить, я поспешил исполнить желание. Вернув опустевший стакан на столик, Игорь вспомнил:

– Ну, Юрок, бухти, как космические корабли бороздят Большой театр.

– Какие корабли? – опешил Юра.

– Это я шучу. Рассказывай байку. Не тяни.

Юра глубоко вздохнул, будто собрался нырять, и начал:

– Дело было под ноябрьские праздники. Зима рано навалилась. В первых числах снег лег. Наш клуб – лучший в районе. Если в райцентр какие артисты приезжают, то и к нам обязательно. В тот раз, в честь праздника, спектакль про революцию привезли. Народу в клубе, как конопли под забором, – Юра прищурился, вспоминая.

– Места свободные остались только в первом да в последнем ряду. Если в конце сидишь, ни черта не слышно. А впереди все начальство устроилось. Председатель, парторг, – рассказчик приосанился, изображая руководство, – агроном, передовики и прочая. В общем, все начальство колхозное.

Народ уж привык, что городские завсегда припаздывают. Причем, что характерно, чем цветастее название богадельни, тем больше со временем грубят. Мне знающие люди объяснили, мол, это для того, чтобы зал полным набрался. А, я думаю, – шмыгнув носом наш попутчик, – это просто бардак и разгильдяйство. Но дело третье. Народу набежало полным-полно. Даже в первый ряд набились. Только одно местечко осталось. Рядом с бригадиром. Он для своей бабы придерживал. Она, видать, на хозяйстве задержалась. Может, еще по какой надобности. Бригадир сам фигурой не велик. Мне до уха будет. До середки. Женка – тетка большенькая. И спереди, и сзади. Фигуристая, – изобразил он руками волнующие изгибы.

– В тот раз артисты, видать, торопились. По времени начали. Нормальный такой спектакль. Про то, как красные с белыми воевали. Доходит дело до того, что беляки комиссара словили. Привели в штаб. Комиссар – паренек совсем молоденький. Беляки его допрашивают, он молчок. Бьют – ни гу-гу. Тогда офицер дает команду, чтобы расстреляли комиссара. Солдаты подвели того к краю. Будто к обрыву. Комиссар перед смертью последнее слово сказать хочет. В зале тишина. Парняга встал, будто Ленин на броневике. Кепку в руке зажал, в грудь воздуха набрал и ...

– Тут вдруг скрип противный, будто пенопластом по стеклу. На весь клуб. Аж мороз по коже, – Юру передернуло, будто лимон откусил, – дверь такая. Визгливая. Народ на скрип обернулся. Артисты и деревенские. Я тоже. Гляжу, в дверях женка бригадирова. Расфуфырилась. Пальто синее демисезонное расстегнула. Под ним кофта кумачом, шерстяная. На ногах сапоги блестящие. Видать, ваксой надраила. Стоит, зал оглядывает. Люди, что с краю сидели, на нее зашикали. Мол, давай, скребись быстрее до места. Мужик ейный рукой машет, зовет. Она увидела его и двинула по коридору. Крадетса на полусогнутых. А сапоги скрип-скрип. Комиссар на сцене остолбенел. Видать, слова забыл. Ждет, когда тетка пройдет. Та ползет тихохонько. Со знакомыми раскланивается, – Юра, подскочив, показал, как шла, – дотащилась до первого ряда. Там парторг. Он, видать, шуганул ее. Сразу шагу прибавила. Дошла, наконец. Плюхнулась на седушку. Все дух перевели. Комиссар снова руку поднял, говорить начал. Женка бригадирова умащиваться стала. На спинку сиденья откинулась. А та хрясть и пополам. Тетка назад брык. Затылком соседу, что сзади сидел, точняком в пах. Тот, хрюкнув, сложился. И понеслось, я вам скажу, такое кино... У бабы жопа между рядов застряла. Она визжит, будто свинью режут. Ногами в разные стороны дрыгает. Подол задрался, под ним толстушие ляжки в рейтузах желтого колера. Артисты на сцене ржут, как жеребцы. Бригадир женку за руки тянет изо всех сил. Да куда там. В ней весу больше центнера. Крики, смех, матюги. Деревенские с мест повскакивали. Хохочут. Председатель с парторгом на помощь кинулись. Втроем бабищу еле вытянули. Такой кавардак. Убитых нет, но раненые и разрушения в наличии. Бригадирова в поясище пересекло. Женка всю хребтину и зад ободрала, неделю сидеть не могла. Соседу пах разбили вдребезги. Три стула – в щепки. Спектаклю, ясное дело, крышка. Можно сказать, сорвали мероприятие. Ну, как, прикольно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.